

Постбрутализм и постмодернизм в архитектуре г. Иркутска 1990–2010-х гг.**Н.С. Еремин¹**¹Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению наиболее значимых объектов постсоветского периода в г. Иркутске. Цель исследования заключается в выявлении их стилистических особенностей и основных приемов формообразования. Проведенная работа включила в себя актуализацию ряда библиографических источников, направленных на профессиональную аудиторию региона, натурные обследования с фотофиксацией ключевых объектов 1990–2010 гг. и непосредственное общение с авторами исследуемых зданий. Многоплановость обозначенного периода располагает к последовательному и равнозначному изучению планировочной и скульптурно-художественной составляющей. По результатам изысканий в статье представлена часть собранной фотографической базы и таблица с краткой характеристикой деталей, которые наиболее ясным образом формируют образную идентичность современной архитектуры города. С помощью систематизации найденных материалов, автор делает попытку дать научную характеристику культурной значимости и роли постмодернистских тенденций в современном архитектурном процессе города как со стороны практического проектирования, так и в контексте образовательного процесса исторически сложившейся школы сибирских зодчих. Все это позволило доказать, что на переломе эпох иркутским архитекторам удалось, сохранив богатейшее наследие бруталистов и их актуальный опыт, ответить на вызовы современности гуманным, рационально-художественным дополнением этого фонда. Более того, не изменивший принципам обращенности к человеку и человеческому масштабу, иркутский постбрутализм составил конкретный, воплощенный пример силы воли, творческой стойкости уже для второй четверти века, стремительно усложнившейся в экономических факторах и обусловленной ими сверхурбанизации.

Ключевые слова: постбрутализм, иркутский региональный модернизм, постмодернизм, архитектурная идентичность, семантические характеристики, институт Иркутскгражданпроект, персональные архитектурные мастерские

Для цитирования: Еремин Н.С. Постбрутализм и Постмодернизм в архитектуре Иркутска 1990-х – 2010-х годов // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2025. Т. 15. № 4. С. 756–769. <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2025-4-756-769>. EDN: YPMCI.

Благодарности: Автор выражает особую благодарность иркутским архитекторам Инне Евгеньевне Дружининой, Олегу Борисовичу Бадула и Владимиру Борисовичу Стегайло за предоставление необходимых в исследовании библиографических и проектных материалов, а также экспертную поддержку при подготовке данной статьи.

Original article**Postbrutalism and postmodernism in the architecture
of Irkutsk in the 1990s and 2010s.****Nikita S. Eremin¹**¹Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Russia

Abstract. This article is devoted to the consideration of the most significant objects of the post-Soviet period in Irkutsk. The purpose of the study is to identify their stylistic features and basic shaping tech-

niques. The work carried out included updating a number of bibliographic sources aimed at the professional audience of the region, field surveys with photographs of key facilities in 1990-2010, and direct communication with the authors of the buildings under study. The multidimensional nature of the designated period leads to a consistent and equivalent study of the planning and sculptural-artistic component. Based on the results of the research, the article presents a part of the collected photographic database and a table with a brief description of the details that most clearly form the figurative identity of the modern architecture of the city. By systematizing the found materials, the author attempts to provide a scientific description of the cultural significance and role of postmodern trends in the modern architectural process of the city, both from the practical design perspective and in the context of the educational process of the historically established school of Siberian architects. All this made it possible to prove that at the turning point of the epochs Irkutsk architects managed, while preserving the rich heritage of the Brutalists and their relevant experience, to meet the challenges of modernity with a humane, rational and artistic addition to this fund. Moreover, Irkutsk post-brutalism, which has not changed the principles of appeal to man and the human scale, has become a concrete, flattened example of willpower and creative perseverance for the second quarter of the century, which has become increasingly complicated in economic factors and the resulting overurbanization.

Keywords: postbrutalism, Irkutsk regional modernism, postmodernism, architectural identity, semantic characteristics, Irkutskgrazhdanproekt Institute, personal architectural workshops

For citation: Eremin N.S. Postbrutalism and postmodernism in the architecture of Irkutsk in the 1990s and 2010s. *Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real estate*. 2025;15(4):756-769. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2025-4-756-769>. EDN: YPMCII.

Acknowledgements: The author expresses special gratitude to Irkutsk architects Inna E. Druzhinina, Oleg B. Badula and Vladimir B. Stegailo for providing the necessary bibliographic and design materials in the study, as well as expert support in the preparation of this article!

ВВЕДЕНИЕ

Наиболее важной и целостной характеристикой позднесоветского г. Иркутска является первоочередная обращенность его к человеческой личности, несмотря на определенную жесткость бруталистских ансамблей.

Открытия 1970–80-х гг. позволили структурировать историческую городскую ткань доминантами, сберечь уют внутриквартального пространства, силами эргономики возвести типовое жилье в элитарный, даже по современным стандартам, класс. На рубеже нового века перед сибирскими зодчими предстала ответственная задача – удерживая достигнутый уровень внутреннего мира архитектуры, придать ей внешнюю привлекательность для частного потребителя. Утвердить ту последовательную художественность, что позволила бы не раздробить, а подчеркнуть живописное начало в образе стремительно возвращающегося к мелкомасштабной застройке города. В результате активной деятельности первых двадцати лет сложилось современное поколение творческой интеллигенции, авангард которой составили уже опытные специалисты Иркутскгражданпроекта, постепенно основавшие ряд сотрудничающих между собой персональных мастерских [1, 2]. Значительно усилилась контролирующая

и научная роль региональной организации Союза архитекторов России. По состоянию на 2010 г., уже возможно выделение ряда характерных произведений регионального постбрутализма или постмодернизма – варьирующихся в тонких пропорциях формотворческой преемственности и обновленных архитектурно-художественных черт.

МЕТОДЫ

Необходимость теоретического труда, специально направленного на раннее постсоветское наследие сибирской столицы, стала очевидна в ходе ряда натурных обследований, проводимых с 2022 г. по настоящее время. Сегодня в г. Иркутске очевиден болезненный диссонанс между сложившимся долгим эволюционным путем, идентичным в своей многоплановости образом, и безликим пластом инертных, подавляющих масштабный ряд окружения жилых и торговых комплексов, сторонние авторы которых делают упор лишь на интровертивное качество. Кроме того, даже в заинтересованном научном сообществе, линия конструктивного развития взаимодополняющих региональных школ признана и изучена только до периода иркутского ренессанса или необрутализма, условно обрываемого распадом СССР в 1991 г [2, 3].

Последовавшие архитектурные поиски были драматичны и, по признанию многих современников, подчас противоречивы. Теперь, спустя 25–30 лет, энергия, политическая воля и твердость авторской позиции первых постмодернистов проявляются на зримом контрасте. Таким образом, основной целью данной работы является исследование формирования в составе архитектуры г. Иркутска постмодернистских или постбруталистских тенденций и их развития. Изыскания представляли собой прежде всего составление репрезентативной выборки наиболее важных для рассмотрения в статье объектов по принципам художественной выразительности, хронологической последовательности и передовых проектных решений.

К сожалению, за редким исключением, оригинальные эскизы и чертежи, существовавшие исключительно на бумаге, не сохранились. Поэтому, практические методы – фотофиксация, а также непосредственное общение с иркутскими архитекторами – были направлены на создание иллюстративного архива.

Полученная база впоследствии позволила изучить преобразования смыслового подхода современной региональной архитектуры, выявить характерные элементы и решения, определить формотворческие закономерности иркутского постбрутализма.

В части библиографических источников принципиальную важность имели работы И.Е. Дружининой. Пройденный путь службы в Иркутскгражданпроекте и частной творческой деятельности подробно зафиксирован в ценных технических примерах, с привлечением исторических, градостроительных сведений и профессиональной графики.

Во многом именно учебный, практический характер материалов сделал возможным понимание глубинной сути и принципов проектирования исследуемых в данной статье построек.

Жилые здания

Монументальная историческая фигура В.А. Павлова большинством исследователей рассматривается чаще всего в контексте именно советского модернизма, возведенного в авторский необрутализм [4, 5]. Было бы глубоким заблуждением считать, что его деятельность, после оставления в 1986 г. поста главного архитектора института Иркутскгражданпроект, полностью перешла в западный регион и после реализации многосекционного дома в Ленинграде ограничилась теорией. Напротив, во время посещения Иркутска, В.А. Павлов поддерживал сотрудничество с коллегами и учениками. Одним из последних проектов, вы-

полненных по заказу Горисполкома и не дождавшихся воплощения до распада СССР, стал кондоминиум со связанными надземным переходом ступенчатыми блок-секциями, разноуровневые апартаменты в которых обогащали гостиные с открытой террасой или даже приквартирные дворики. Остаточное даже сейчас эффективным и актуальным в престижном классе, это предложение по застройке ул. Бабушкина разрабатывалось при участии С.М. Григорьева и А.П. Зиброва. Вскоре именно А.П. Зибров возглавит в должности ГАП АПМ-3 Иркутскгражданпроекта планирование достройки Комплекса городской администрации, продолжая рабочее проектирование Зала Городского Совета уже при дистанционном, неофициальном участии автора идеи как советника [6, 7].

Вместе с тем, в 1995 г. В.А. Павлов и его многолетний соратник, главный архитектор г. Иркутска В.Ф. Бух, предлагают современное дополнение ранее ими же созданного мкр-н Первомайский. Ряд отдельностоящих таунхаусов позволил бы качественно решить рельефный спуск к юго-восточной границе участка [8]. К сожалению, проект не был осуществлен из-за нехватки средств.

Стоит отметить, что материалы сохранившегося проекта, лаконично сочетающего черты органической традиционной восточной архитектуры в привычном для г. Иркутска модернистском объеме и материале, отчетливо характеризуют замыслы состоявшихся мастеров (рис. 1, 2). Спроектированные в советскую эпоху микрорайоны г. Иркутска характеризуются групповой и периметральной застройкой средней этажности при размещении акцентных, экспериментальных единиц по фронту городских магистралей, в качестве пропилей внутреннего пространства (яркий пример 1970-х гг. – мкр-н Байкальский) [9, 10].

В расцвет модернизма многосекционные дома, в исключительных случаях, приближаются к городским доминантам, например, жилой комплекс «Главвостоксбистроя» авторства В.А. Павлова.

Сложившаяся ситуация в рыночной экономике, возникновение частной собственности на землю вскоре расширили спектр применения секционных схем спросом на отдельностоящие комплексы с ограниченной территорией или включения здания в аутентичный архитектурный ландшафт, нуждающийся в обновлении центральных узлов городской жизни. Через объекты, созданные архитекторами А.Н. Юшковым, А.П. Зибровым, Е.А. Третьяковым и И.Е. Дружининой (рис. 3, 4), можно увидеть

прогресс стилистического решения: от компиляции испытанных жилых секций с эпизодическим введением постмодернистских форм до утверждения новой типологической палитры объемно-пластических элементов, что без прямых заимствований создают фактуру взаимодействия со сложным историческим окружением.

Выявленные тенденции имеют практическое толкование в контексте условий Сибири: многоскатные кровли с крутым уклоном обеспечивают водоотведение, кристаллы панорамно остекленных лоджий создают дополнительный тепловой барьер внутренних помещений, а пастельная цветовая гамма штукатурных поверхностей поддерживает живописный пейзаж улицы в холодный период.

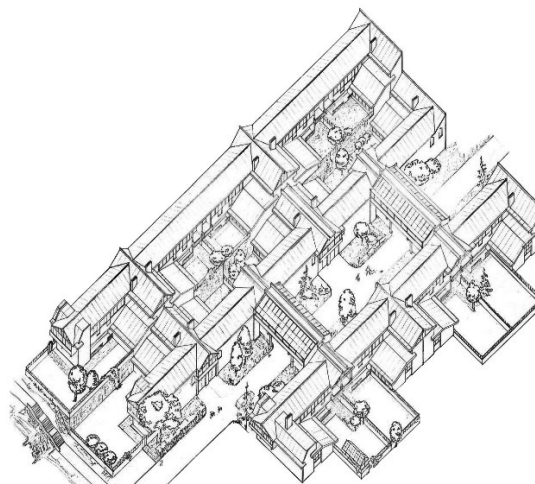
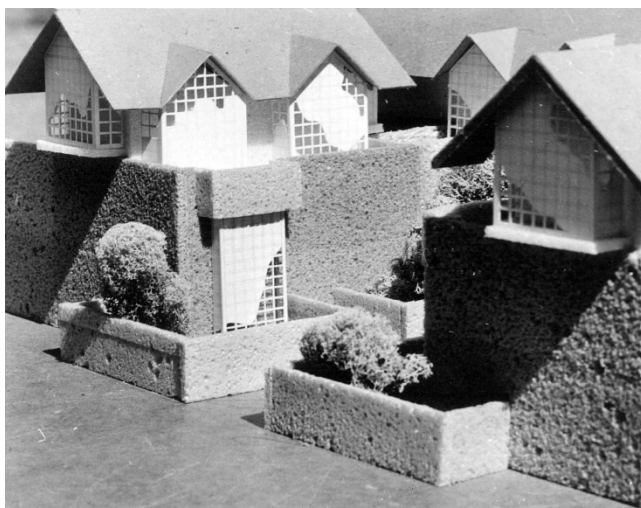

Рис. 1. Фото с макета и изометрический вид проекта застройки по ул. Бабушкина, 1980-е
Fig. 1. Photograph of the model and isometric view of Babushkin St. presumed develop, 1980-s

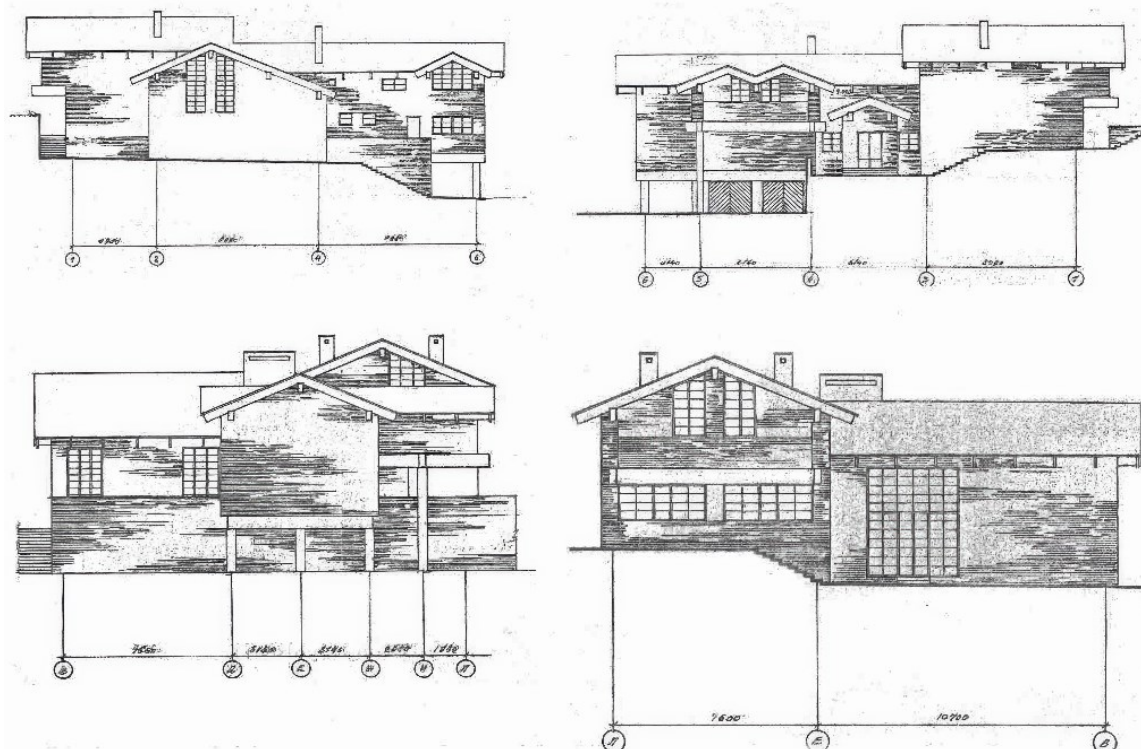

Рис. 2. Проект таунхаусов в микрорайоне Первомайском.
Архитекторы В.А. Павлов и В.Ф. Бух, 1995 г.
Fig. 2. The project of Townhouses by V. Pavlov and V. Buch. 1995

Рис. 3. Жилой комплекс с офисными помещениями по ул. Поленова.

Архитектор А.Н. Юшков, 1997 г.

Fig. 3. Residential complex with office spaces on Polenova st. Arch. A. Yushkov. 1997

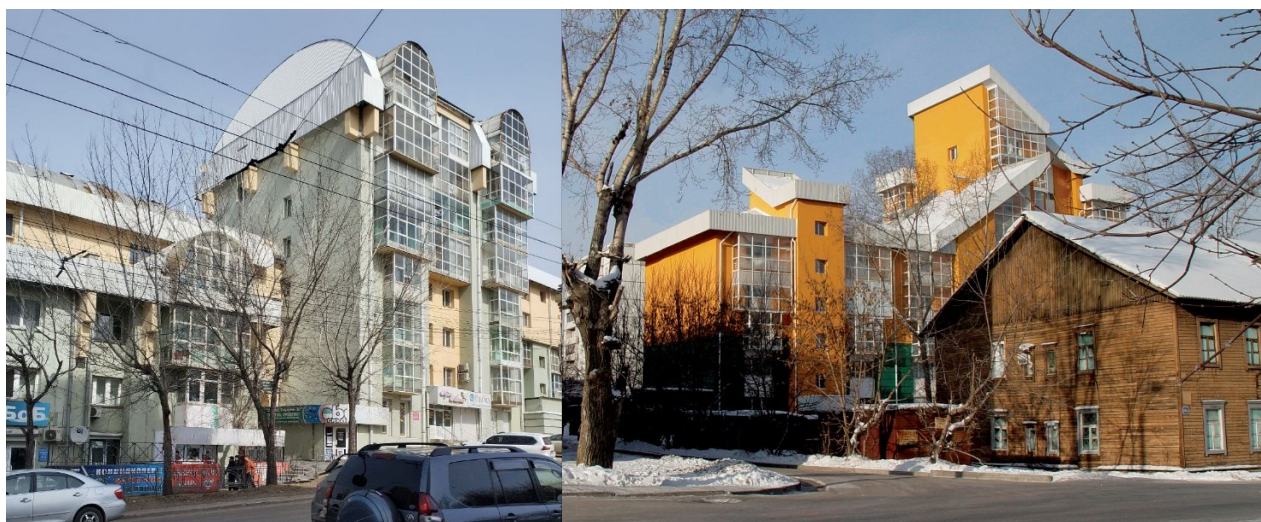

Рис. 4. Многосекционные жилые дома по ул. 1-й и 4-й Советской. Архитекторы А.П. Зибров, Е.А. Третьяков, И.Е. Дружинина, 2000–2004 гг.

Fig. 4. Multibay residential buildings on 1st and 4th Soveyskaya st. Arch. A. Zibrov, E. Tretyakov, I. Druzhinina. 2000 - 2004

Следует отметить, что формотворческий прием продолжает образные традиции необрутализма [11].

Это видно в завершении башней дома по адресу ул. Байкальская 273А. Проект разрабатывался архитекторами О.Б. Бадула и В.Б. Стегайло в 1991–1992 гг. с изменением условий заказа (изначально предполагалось мало-семейное общежитие). Данный объект является примером характерной для города каскадной застройки. В рельеф участка, перепадом до 4,5 м, встроена автостоянка.

Объемные ленты вертикального остекления в данном случае выступают дополнительной шумоизоляцией от трамвайной линии.

Успешно примененная компоновка квартир в нескольких уровнях с отдельными входами

на первом этаже показала актуальность опередившего свое время открытия шестидесятников [12, 13]

Общественные здания и комплексы

Можно уверенно отнести роль постбруталистских тенденций к жилой застройке г. Иркутска. Описанное направление, обеспечивая техническую и эргономическую эффективность, дало эволюционное развитие среды модернистского города в качественной сомасштабной преемственности. Однако, вместе с тем, существующая система доминант, массивных в красном кирпиче и мраморе общественно-деловых зданий, требовала других акцентов.

К началу XXI в., новейшие материалы и методы проектирования, наряду с научной базой

региональной школы, позволили создать современные включения в различном контексте и ряде стилистических приемов.

Оставшийся на эскизной стадии, но заслуживший высшую награду фестиваля «Зодчество-93», проект комплексной реконструкции Русско-Азиатского банка, совместного авторства А.Н. Юшкова и А.А. Колесникова, является примером последовательности градостроительного и декоративного решений.

Предложение заказчика объединить знаковый объект модерна архитектора В.И. Коляновского с выкупаемым зданием по ул. Ленина, 36 в новый банковский центр, позволило развить идею о продлении ул. Ярослава Гашека до перекрестка, организовать, в закрытом от магистрали дворе, легкую по конструкции, но контрастную в образе систему вестибюлей, а также связать комплекс с близлежащим сквером через подземный уровень площади.

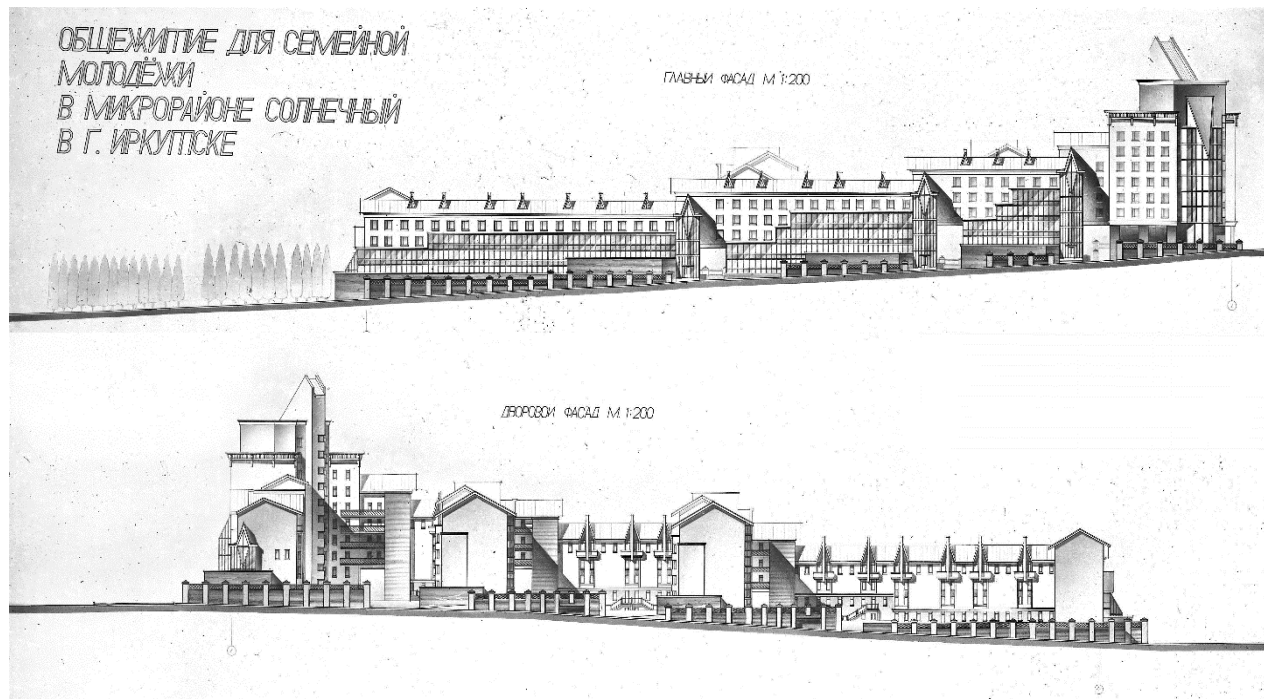

Рис. 5. Презентационный планшет проекта малосемейного общежития.
Архитекторы О.Б. Бадула, В.Б. Стегайло, 1991 г.
Fig. 5. Presentation tablet of the small family dwelling. Arch. O. Badula, V. Stegailo. 1991

Рис. 6. Крупный план террасы и вид на дом 273А по ул. Байкальской
Fig. 6. Close-up photo of the terrace and view to the house 273A on Baikalskaya st.

Рис. 8. Эскизный макет по проекту реконструкции Русско-Азиатского банка.

Архитекторы А.Н. Юшков, А.А. Колесников, 1993 г.

Fig. 8. Conception reconstruction model of Russian-Asian bank.

Arch A. Yushkov, A. Kolesnikov. 1993

Образцом контекстуального подхода может служить административное здание по адресу ул. Свердлова, 10 авторства И.Е. Дружининой и И.В. Логванова.

На соседствующем с деревянными особняками участке, архитекторам предстояло выполнить проект здания, по объему сопоставимого с выходящим на ближайший перекресток институтом Иркутскгражданпроект. Успешное решение в этих условиях удалось найти благо-

даря определенному переосмыслению композиционного открытия «Дома на ногах» [14]. Высота стилобата и пилонов по ул. Свердлова приблизительно соответствует масштабу противостоящих усадеб, позволяя эффектно отразить их в витражном остеклении первого уровня. Строгие горизонталы оконных лент и ритм крупных надстроек добавляют противовес институтскому корпусу в общей панораме квартала.

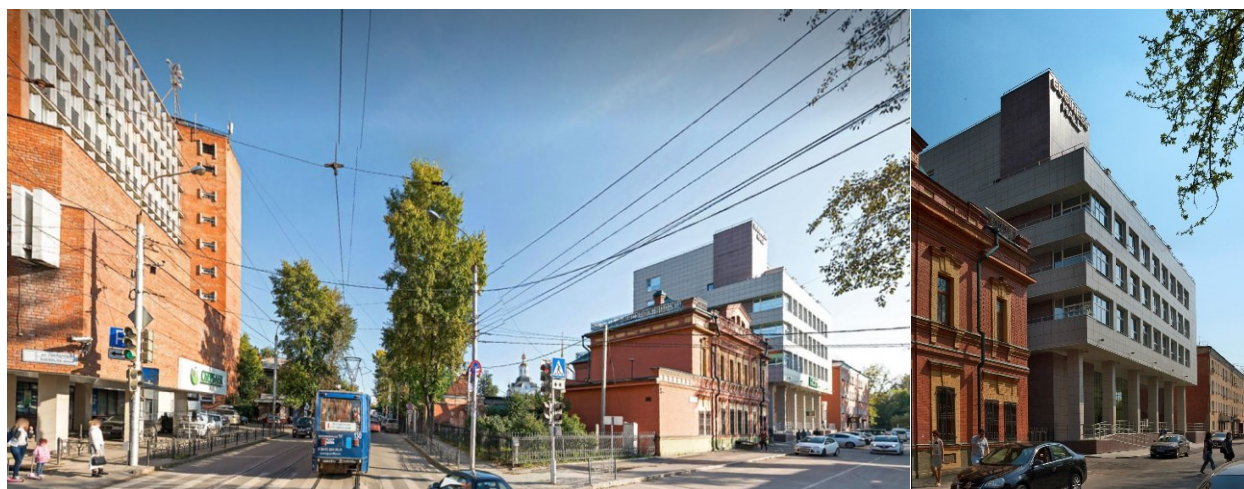

Рис. 7. Административное здание у перекрестка ул. Свердлова и Степана Разина.

Архитекторы И.Е. Дружинина, И.В. Логванов, 2011 г.

Fig. 7. Administrative building at the intersection of Sverdlova and Stepana Rasina St.

Arch. I. Druzhunina, I. Logvanov. 2011

В отношении же стилистического эксперимента ключевое значение с 2004 г. приобрела ул. Чкалова.

При реконструкции ее квартала от пер. Гершевича до ул. Марата, архитекторы С.Б. Карпов, А.Ю. Макаров и А.А. Колесников сохранили усадебный характер генплана благодаря сетчатой застройке, в то же время увеличив

этажность секций второго плана при вынесении на красную линию яркого остроугольного акцента административно-торговой галереи. Была также предпринята деликатная попытка преобразования традиционных форм сибирского зодчества.

При разработке в 2008–2011 гг., расположенной на слиянии ул. Чкалова и Н. Гаврилова,

гостиницы коллектив, под руководством архитектора О.Б. Бадула, выдерживал неоднократные дебаты по поводу удерживающего угол характерного «стеклянного носа». В результате изменился колористический характер, но концепция все-таки была согласована к реализации. Сложная консоль с нависанием в восемь

метров была выполнена в пространственной металлической конструкции, работающей совместно с монолитным каркасом. Данный объект по сей час остается единственным среди зданий крупного масштаба в историческом центре г. Иркутска примером постмодернизма с элементами деконструкции.

Рис. 8. Гостиница на соединении ул. Чкалова и Н. Гаврилова. Архитектор О.Б. Бадула, 2011 г. (материалы автора-архитектора)

Fig. 8. Hotel on connecting of Chkalova and Gavrilova Streets. Arch. O. Badula. 2011 (materials of the architect-author)

В истории постмодернизма г. Иркутска присутствуют эксклюзивные сооружения. Речь в данном случае не идет о формировании устойчивых тенденций или влиянии на общий архитектурный процесс города. Однако, невозможно обойти вниманием Собор Непорочного Сердца Божией Матери.

В связи с ключевым для города культурно-туристическим значением органного зала, власти отказывали в возвращении польским католикам исторического собора, отданного филармонии в советский период. Не получили поддержки и планы диаспоры учредить в костеле, 1864 г. постройки, музей [15, 16].

Взамен было предложено несколько площадок для свободного от выкупа земли строительства нового Кафедрального собора. Управляющий Восточно-Сибирской апостольской администратурой, епископ и видный церковный деятель Е. Мазур остановил выбор на возвышении, что приходится напротив Иркутского национального исследовательского технического университета. Почти сразу же после этого поляки принесли на согласование главному архитектору города Б.И. Куликову готовый проект, выполненный немецким архитектором. Но, совершенно не связанный с местом, он был отклонен. Проектирование тогда было предложено В.Б. Стегайло (на тот момент занимавшему должность главного архитектора института Иркутскгражданпроекта) и О.Б. Бадула

– автору молитвенного дома евангельских христиан баптистов, построенного в 1996 г.

Для предпроектных консультаций и согласования эскиз-идеи со стороны польских специалистов был приглашен А.Ж. Хвалибог. Всего за неделю совместной работы удалось найти убедительный образ будущего собора, скульптурную аллюзию на митру священника, и внедрить этот объем в генеральный план. Так, в архитектуре г. Иркутска было дано начало направлению символизма [17, 18]. Технологии параметрического BIM-проектирования на территории России доступны тогда еще не были. Авторам приходилось вначале экспериментально моделировать будущее сооружение в пенопласте, а затем разбирать удавшиеся макеты и обводить криволинейные плоскости стен на кульмане, получая таким образом необходимые для работы проекции и чертежи. Изыскания показали, что сейсмичность площадки составляет восемь баллов. Поэтому, при выборе конструктивной схемы было принято решение создать криволинейную оболочку, площадью около 1000 м², посредством монолитных железобетонных плит кессонного типа, лежащих в разных плоскостях. Была применена также система двухслойных стен, содержащих, помимо железобетона, кирпичную кладку, которая играет роль неснимаемой опалубки. Строительство началось летом 1999 г., а завершились

осенью 2000 г. Подрядчиком выступала местная компания ЗАО «Иркутскпромстрой». Сегодня Собор имеет статус кафедрального в католической епархии. В комплексе на постоянной

основе проживают около десяти ее представителей. Помимо богослужений и просветительской деятельности для всех желающих регулярно даются концерты органной музыки.

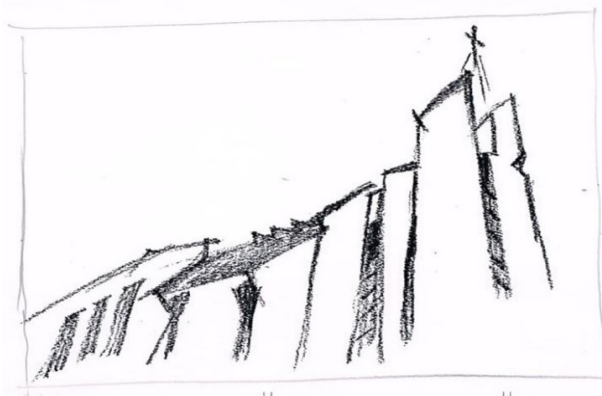

Рис. 9. Собор Непорочного Сердца Божией Матери. Архитекторы А.Ж. Хвалибог, О.Б. Бадула, В.Б. Стегайло, 2011 г.

Fig. 9. Cathedral of the Immaculate Heart of Our Lady. Arch. A.J. Chwalibog, O. Badula, V. Stegailo. 2011

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты исследования изучаемых проектов и построек, а также мнения их непосредственных авторов-архитекторов, позволяют выделить постмодернизм и постбрутализм как сложившиеся в характерных региональных чертах направления иркутской архитектуры [19, 20].

Необрутализм составил основное направление прогресса в период с 1960 по 1990 г., как переосмысленное в особых условиях города мировое течение середины XX в. Переход к капиталистической экономике обусловил необходимость поиска потребительской привлекательности, художественности и плюрализма форм.

На рубеже веков выделились и сформировались два направления в философии новой региональной архитектуры: близкий к западной трактовке постмодернизм и эндемичный постбрутализм.

Постмодернистская ветвь, возрождающая романтическое начало, характеризовалась в значительной мере уникальными объектами, именно постбрутализм дал наиболее последовательное развитие рационалистической школе 1970–80-х гг., привнеся эстетику гуманизма в лучшие ее достижения [24].

Детали и элементы, составившие определенную традицию, систематизировались на основе их аттрактивной и силуэтной работы в пространстве. Они представлены в таблице.

Характерные элементы образной идентичности постсоветской архитектуры Иркутска
Characteristic elements of the Post-Soviet Irkutsk architecture identity

Наименование приема (детали)	Характеристика	Иллюстрация
Объемные элементы остекления	Кажущееся сложным в реализации и скорее дизайнерским решением, в г. Иркутске утвердилось ясной технологической эффективностью – позволяя добавить тепловой или шумовой барьер. Благодаря этому, панорамные витражи широко применялись даже в советский период.	 <p>Жилые дома по адресу ул. Байкальская, 273А, ул. Советская, 45 (Архитекторы О.Б. Бадула, В.Б. Стегайло, Е.А. Третьяков, А.П. Зибров, И.Е. Дружинина)</p>

Продолжение таблицы

Наименование приема (детали)	Характеристика	Иллюстрация
Мансардные этажи	Скатная кровля является не только приоритетным вариантом, но и предметом постоянного творческого поиска сибирских зодчих. Важно отметить, что принципы проектирования общественных пространств в мансарде во многом основаны на опытных единицах мкр-н Байкальский и Университетский	 <p>Жилые дома по адресу ул. Поленова, 35, ул. Красноярская, 31 (Архитекторы А.Н. Юшков, О.Б. Бадула, конструктор Л.А. Латышев)</p>
Остроугольные объемные элементы	Сохраненная в эпоху стандартизации и функционализма – смелость постановки акцента оказалась вновь востребована при решении объемно-планировочных задач в историческом контексте [25]	 <p>Жилой комплекс со встроенными общественными помещениями в квартале от пер. Гершевича до ул. Марата (Архитекторы С.Б. Карпов, А.Ю. Макаров, А.А. Колесников); административное здание в г. Шелехове</p>
Крыши как характерный инструмент формообразования	Ставшие традицией мезонины мансардных этажей в некоторых образцах постбрутализма приобрели значение образной основы проекта. Более того, скатные элементы получили эффективное применение как активная деталь силуэта	 <p>Гостиница «Дельта» (Архитектор А.П. Зибров); здание института «Востсибтрансстрой» – решение надстройки</p>
Шпили и декоративные завершения	Достаточно быстро иркутским архитекторам удалось добиться гармонии и осмысленности в сочетании чисто декоративных, скульптурных форм с массивным функциональным объемом. При этом был найден целый ряд неожиданных стилизованных решений	 <p>Жилые дома по адресу ул. Красногвардейская, 23; ул. Красноярская, 31 (Архитекторы А.Н. Юшков, О.Б. Бадула, конструктор Л.А. Латышев)</p>

Окончание таблицы

Наименование приема (детали)	Характеристика	Иллюстрация
Исторические аллюзии	В начале нового столетия формотворческая мысль вновь обратилась к переосмыслению истории: в частности, элементов деревянного модерна конца XIX – начала XX в. Найдены возможности корректного дополнения ими современной структуры в актуальном строительном материале [26]	 <p>Жилой комплекс со встроенными общественными помещениями в квартале от пер. Гершевича до ул. Марата (Архитекторы С.Б. Карпов, А.Ю. Макаров, А.А. Колесников); пример аллюзии на исторические формы деревянной архитектуры г. Иркутска</p>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог исследованию наиболее выразительных и значимых в структуре постсоветской застройки зданий, в качестве основного объекта классификации и характеристики следует отметить их самобытное образное начало [27, 28]. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Особенность иркутского постбрутализма и постмодернизма состоит в ответственном, эволюционном подходе современных архитекторов к наследию региональной школы. Это выражается практически – интеграцией художественных акцентов и новых материалов в бруталистский контекст, поиском стремительных силуэтов, творческим переосмыслением базовой детали и технического пространства.

2. Можно утверждать, что не лишенный драматизма период 1990–2010-х гг. стал для

г. Иркутска достойным продолжением его исторически многоплановой идентичности и тогда же привел к высшей точке ее эволюционного качественного развития.

Актуальная действительность продолжает испытывать творческое самосознание отечественных зодчих прагматичным заказом, клишированной модой и необходимостью отстаивать принцип искусства.

3. Сегодня особенно важен образовательный процесс, качественно поставленный несколькими поколениями сибирских мастеров [30].

Сонаправленность исторической науки, а также практических примеров комплексного градостроительного, объемно-пространственного и архитектурно-композиционного подхода дают зримые ориентиры для прогресса иркутской школы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стегайло В., Буйнов А., Жуковский Н., Демков С., Шерстова Н. Перестройка (1987–1999) // Проект Байкал. 2015. Т. 12. № 43. С. 101–130. EDN: ZCPWEB.
2. Исаков В.В., Ляпин А.А. Иркутские архитекторы. Иркутск: Элит, 1997. 87 с.
3. Новиков Ф., Белоголовский В. Советский модернизм 1955–1985: антология. Взгляд XXI века. Екатеринбург: TATLIN, 2010. 232 с.
4. Броновицкая А.Ю., Малинин Н.С., Пальмин Ю.И. Москва: архитектура советского модернизма, 1955–1991: справочник-путеводитель. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2019. 352 с.
5. Бух В., Григорьева Е. Архитектор Владимир Павлов. Екатеринбург: TATLIN, 2013. 133 с.
6. Боков А. Владимир Павлов // Проект Байкал. 2010. № 26. С. 28–30. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.26.154>.
7. Павлов В. Объекты // Проект Байкал. 2010. № 26. С. 32–129. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.26.155>.
8. Золотарева М., Еремин Н. Ключевой объект Иркутского Ренессанса // Проект Байкал. 2025. Т. 22. № 83. С. 113–117. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/83.2493>. EDN: KPNTGC.

9. Боков А., Бержинский Ю., Стегайло В., Жуковский Н., Астраханцева В., Студенников А. и др. Золотой век (1975–1986) // Проект Байкал. 2015. Т. 12. № 43. С. 49–100. <https://doi.org/10.7480/project-baikal.43.865>. EDN: ZCPWDR.
10. Druzhinina I. The Use of Standard Series Plans in Designing Unique Buildings: The Case of V. A. Pavlov's Residential House in Irkutsk // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. Vol. 880. P. 1–6. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/880/1/012060>.
11. Можнягун С.Е. О модернизме. Этюд первый. Истина и антиистина в эстетике модернизма. М.: Искусство, 1970. 278 с.
12. Хотулев Р.А., Ляпин А.А., Протасова Е.В., Демков С.Б. Иркутские архитекторы. Иркутск: Репроцентр А1, 2011. 272 с. EDN: WILCSX.
13. Дорофеев П. Микрорайонные структуры 1960–1970-х годов в Иркутске // Проект Байкал. 2014. Т. 11. № 39-40. С. 230–251. EDN: ZOFXIT.
14. Dorofeev P.A., Khokhrin E.V. Evolution of Concept of “Mass Housing Project” in the Context of French Ideas in Housing Policy of the USSR // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2012. № 2. С. 128–135. EDN: QCUWZT.
15. Еремин Н.С., Золотарева М.В. Иркутский регионализм как течение архитектуры советского модернизма // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2024. Т. 14. № 2. С. 383–397. <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2024-2-383-397>. EDN: IWWETQ.
16. Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661 – 1940 гг. Иркутск: Оттиск, 2003. 847 с.
17. Быстрова Т.Ю. От модернизма к неорационализму: творческие концепции архитекторов XX–XXI веков: монография. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. 400 с.
18. Раппапорт А.Г. Среда и архитектура // Городская среда: проблемы существования. М.: ВНИИТАГ, 1990. С. 157–178.
19. Кудрявцев А. Архитектурные школы и практики регионов. Записки очевидца // Проект Байкал. 2020. Т. 17. № 64. С. 32–36. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1631>. EDN: BWEYPE.
20. Goldhoorn B., Meuser P. Capitalist Realism: New Architecture in Russia. Berlin: DOM Publishers, 2009. 303 p.
21. Орельская О.В., Худин А.А. Постмодернизм. Стили в архитектуре Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: Бегемот, 2019. 239 с.
22. Золотарева М.В., Пономарев А.В. Курортный постмодернизм на примере Кисловодска // Современные проблемы истории и теории архитектуры. Сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 05–06 ноября 2024 г.). СПб: 2025. С. 115–120. EDN: EDIYHJ.
23. Kirsh D. Changing the Rules: Architecture in the New Millennium // Convergence. The Journal of Research into New Media Technologies. 2001. Vol. 7. Iss. 2. P. 113–125.
24. Lefaivre L., Tzonis A. Critical Regionalism: Architecture and Identity in a Globalized World. Munich: Prestel, 2003. 159 p.
25. Didem A.A. Brutalism Now: Rethinking Brutalism in Contemporary World Architecture // Arts. 2016. Vol. 5. Iss. 2. P. 3. <https://doi.org/10.3390/arts5020003>.
26. Klotz H. The History of Postmodern Architecture. Cambridge: MIT Press, 1988. 478 p.
27. Самсоненко А.Н. Иркутские строики: от зарева двадцатого века до зарниц двадцать первого // Земля Иркутская. 2006. № 3. С. 43–51.
28. Eremin N.S., Zolotareva M.V. The Phenomenon of Irkutsk Multi-Faceted Identity Formation // Lecture Notes in Civil Engineering. 2025. Vol. 565. P. 469–483. https://doi.org/10.1007/978-3-031-80482-3_45.
29. Багрова Н., Журин Н., Пустоветов Г., Филонов, С. Сибирская архитектурно-художественная школа: вчера и сегодня // Проект Байкал. 2020. Т. 17. № 64. С. 110–113. <https://doi.org/10.7480/project-baikal.64.1645>. EDN: GGNINC.
30. Дружинина И., Астраханцева В. Архитектурное образование в Иркутске // Проект Байкал. 2020. Т. 17. № 64. С. 130–139. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1649>. EDN: HZMPIM.

REFERENCES

1. Stegaylo V., Buynov A., Zhukovsky N., Demkov S., Sherstova N. Perestroika (1987–1999). *Project Baikal*. 2015;12(43):101-130. (In Russ.). EDN: ZCPWEB.
2. Iskakov V.V., Lyapin A.A. *Irkutsk Architects*. Irkutsk: Elit, 1997. 87 p. (In Russ.).
3. Novikov F., Belogolovskii V. *Soviet Modernism 1955–1985: an Anthology. A 21st-Century View*. Yekaterinburg: TATLIN, 2010. 232 p. (In Russ.).
4. Bronovitskaya A.Yu., Malinin N.S., Palmin Yu.I. *Moscow: Architecture of Soviet Modernism, 1955–1991: A Handbook*. Moscow: Garage Museum of Contemporary Art, 2019. 352 p. (In Russ.).

5. Bukh V., Grigoreva E. *Architect Vladimir Pavlov*. Yekaterinburg: TATLIN, 2013. 133 p. (In Russ.).
6. Bokov A. Vladimir Pavlov. *Project Baikal*. 2010;26:28-30. (In Russ.). <https://doi.org/10.7480/project-baikal.26.154>.
7. Pavlov V. Objects. *Project Baikal*. 2010;26:32-129. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.26.155>.
8. Zolotareva M., Eremin N. Key Object of the Irkutsk Renaissance. *Project Baikal*. 2025;22(83):113-117. (In Russ.). <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/83.2493>. EDN: KPNTGC.
9. Bokov A., Berzhinsky Yu., Stegaylo V., Zhukovsky N., Astrakhantseva V., Studennikov A. et al. The Golden Age (1975–1986). *Project Baikal*. 2015;12(43):49-100. (In Russ.). <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.43.865>. EDN: ZCPWDR.
10. Druzhinina I. The Use of Standard Series Plans in Designing Unique Buildings: The Case of V. A. Pavlov's Residential House in Irkutsk. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 2020;880:1-6. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/880/1/012060>.
11. Mozhnyagun S.E. *On Modernism. Study One. Truth and Anti-Truth in the Esthetics of Modernism*. Moscow: Iskusstvo, 1970. 278 p. (In Russ.).
12. Khotulev R.A., Lyapin A.A., Protasova E.V., Demkov S.B. *Irkutsk Architects*. Irkutsk: Reprocenter A1, 2011. 272 p. (In Russ.). EDN: WILCSX.
13. Dorofeev P. Neighborhood Structures Of the 1960s-1970s in Irkutsk. *Project Baikal*. 2014;11(39-40):230-251. (In Russ.). EDN: ZOFXIT.
14. Dorofeev P.A., Khokhrin E.V. Evolution of Concept of "Mass Housing Project" in the Context of French Ideas in Housing Policy of the USSR. *Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real estate*. 2012;2:128-135. (In Russ.). EDN: QCUWZT.
15. Eremin N.S., Zolotareva M.V. Irkutsk Regionalism as a Trend of Soviet Modernism. *Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real estate*. 2024;14(2):383-397. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2024-2-383-397>. EDN: IWWETQ.
16. Kolmakov Yu.P. *Irkutsk Chronicle 1661–1940*. Irkutsk: Ottisk, 2003. 847 p. (In Russ.).
17. Bystrova T.Yu. *From Modernism to Neo-Rationalism: Creative Concepts of Architects of the XX–XXI Centuries: Monograph*. Moscow, Yekaterinburg: Cabinet Scholar, 2018. 400 p. (In Russ.).
18. Rappaport A.G. Environment and Architecture. In: *Urban Environment: Problems of Existence*. Moscow: VNIITAG, 1990. P. 157–178. (In Russ.).
19. Kudryavtsev A. Architecture Schools and Regional Practices. Notes of the Eyewitness. *Project Baikal*. 2020;17(64):32-36. (In Russ.). <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1631>. EDN: BWEYPE.
20. Goldhoorn B., Meuser P. *Capitalist Realism: New Architecture in Russia*. Berlin: DOM Publishers, 2009. 303 p.
21. Orelskaya O.V., Khudin A.A. *Postmodernism. Styles in the Architecture of Nizhny Novgorod*. Nizhny Novgorod: Behemoth, 2019. 239 p. (In Russ.).
22. Zolotareva M.V., Ponomarev A.V. Spa Postmodernism (On the Example of the Architecture of Kislovodsk at the End of the Twentieth Century). In: *Sovremennye problemy istorii i teorii arkhitektury. Sbornik materialov IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Contemporary Problems of the History and Theory of Architecture. Collection of Materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference*. 05–06 November 2024, Saint Petersburg. Saint Petersburg; 2025. P. 115–120. (In Russ.). EDN: EDIYHJ.
23. Kirsh D. Changing the Rules: Architecture in the New Millennium. *Convergence. The Journal of Research into New Media Technologies*. 2001;7(2):113-125.
24. Lefaivre L., Tzonis A. *Critical Regionalism: Architecture and Identity in a Globalized World*. Munich: Prestel, 2003. 159 p.
25. Didem A.A. Brutalism Now: Rethinking Brutalism in Contemporary World Architecture. *Arts*. 2016;5(2):3. <https://doi.org/10.3390/arts5020003>.
26. Klotz H. *The History of Postmodern Architecture*. Cambridge: MIT Press, 1988. 478 p.
27. Samsonenko A.N. Irkutsk Construction Projects: From The Dawn of the Twentieth Century to The Lightning of the Twenty-First. *Zemlya Irkutskaya*. 2006;3(31):43-51. (In Russ.).
28. Eremin N.S., Zolotareva M.V. The Phenomenon of Irkutsk Multi-Faceted Identity Formation. *Lecture Notes in Civil Engineering*. 2025;565:469-483. https://doi.org/10.1007/978-3-031-80482-3_45.
29. Bagrova N., Zhurin N., Pustovetov G., Filonov S. Siberian Architecture and Art School: Yesterday and Today. *Project Baikal*. 2020;17(64):110-113. (In Russ.). <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1645>. EDN: GGNINC.
30. Druzhinina I., Astrakhantseva V. Architectural Education in Irkutsk. *Project Baikal*. 2020;17(64):130-139. (In Russ.). <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1649>. EDN: HZMPIM.

Информация об авторе

Еремин Никита Станиславович,
независимый исследователь,
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет,
190005, г. Санкт-Петербург,
ул. 2-ая Красноармейская, 4. Россия,
✉e-mail: eremin7845@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0005-5475-593X>
Author ID: 1247226

Information about the author

Nikita S. Eremin,
Independent Researcher,
Saint Petersburg State University of Architecture
and Civil Engineering,
4, 2nd Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg
190005, Russia,
✉e-mail: eremin7845@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0005-5475-593X>
Author ID: 1247226

Вклад автора

Автор выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати.

Автор имеет на статью исключительные авторские права и несет ответственность за плагиат.

Contribution of the author

The author performed the research, made generalization based on the results obtained and prepared the copyright for publication.

Author has exclusive author's right and bear responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflict of interests

The author declare no conflict of interests regarding the publication of this article.

The final manuscript has been read and approved by the author.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 23.06.2025.
Одобрена после рецензирования 28.07.2025.
Принята к публикации 08.08.2025.

Information about the article

The article was submitted 23.06.2025.
Approved after reviewing 28.07.2025.
Accepted for publication 08.08.2025.